

- ¹⁹ См.: *Стасов В. В.* По поводу статьи В. С. Соловьева // *Стасов В. В.* Статьи и заметки, не вошедшие в собрания сочинений. Т. 2. М., 1954. С. 215–218.
- ²⁰ См.: *Стасов В. В.* Двадцать пять лет русского искусства. С. 391–568.
- ²¹ Еще 20 лет спустя «Вестник Европы» в лице критика Г. Н. Тимофеева, автора первой серьезной биографии В. В. Стасова, окончательно признал его заслуги в этой области. «Это новое направление в русском искусстве [«национальное направление». – Д. Л.] стало крепнуть, расти, развиваться, – писал Г. Н. Тимофеев, – и в этом-то его движении живейшее участие принял Стасов. Он сделался его разъяснителем, глашатаем, апостолом. То, что для нашей литературы делали Белинский, Добролюбов и Чернышевский, то для нашего искусства... делал Стасов». (Вестник Европы. 1908. Кн. 2, февраль. С. 208).
- ²² *Данилевский Н. Я.* Указ. соч. С. 472–479.
- ²³ Там же. С. 508.
- ²⁴ Там же. С. 493.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же. С. 501–506.
- ²⁷ *Соловьев В. С.* Россия и Европа // *Соловьев В. С.* Соч.: В 2 т. Т. 1. С. 344.
- ²⁸ Там же. С. 350.
- ²⁹ Там же. С. 351.
- ³⁰ Там же. С. 352.
- ³¹ Там же. С. 353.
- ³² Там же. С. 392.
- ³³ *Стасов В. В.* По поводу статьи В. С. Соловьева. С. 216–218.
- ³⁴ По этому пункту В. В. Стасов заслужил порицание от М. А. Балакирева, выраженное в следующей форме: «Признаюсь, мне было очень странно прочитать в Вашем крохотном возражении В. С. Соловьеву имя Антокольского, которое Вы приводите в доказательство талантливости русских (!) и крепости молодого искусства. Об таланте его не берусь рассуждать, но скажите на милость, отчего он представитель русской школы, тогда как он коренной еврей, даже не крещеный и постоянно живущий в Париже и даже дурно говорящий по-русски. – Неужели только потому, что он русский подданный? Тогда Вы должны признать и Рубинштейна за русского музыканта...» (*Балакирев М. А. и Стасов В. В.* Переписка: В 2 т. М., 1971. Т. 2. С. 133).
- ³⁵ *Стасов В. В.* По поводу статьи В. С. Соловьева. С. 216–218.
- ³⁶ Там же. С. 217.
- ³⁷ Там же. С. 218.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ В. В. Стасов был не одинок в скептической оценке работ В. С. Соловьева. Так, например, с крайней иронией относился к ним выдающийся русский композитор А. К. Лядов. В письме В. А. Авдееву он писал: «Читаю твоего “философа” Соловьева. Мужичок в европейском костюме. Все кухонные предрассудки, соединенные с поповским «это человеческому разуму непонятно», – налицо. Нет, плоха твоя нянюшка и напрасно ты держишься за ее подол! А все-таки принеси его что-нибудь “тузовое”, – я для тебя его прочту». – Ан. К. Лядов. Пг., 1916. С. 58. Лядов противопоставил философию В. С. Соловьева более близким ему по духу Ницше и Метерлинку. (Там же). Ученик и биограф Н. А. Римского-Корсакова В. В. Ястребцев также вспоминал о том, как они с учителем вели разговоры «о Соловьеве». (*Ястребцев В. В.* Н. А. Римский-Корсаков: Воспоминания: В 2 т. Л., 1960. Т. 2: 1898–1908. С. 271).
- ⁴⁰ *Стасов В. В.* По поводу статьи В. С. Соловьева. С. 218.
- ⁴¹ «Россия не блестела ни художествами, ни учеными изобретениями, не имея времени развиваться в этом отношении самобытно и не принимая чужого развития, основанного на ложном взгляде и потому враждебного ее христианскому духу, – писал, например, И. В. Киреевский. – Но зато в ней хранилось первое условие развития правильного, требующего только времени и благоприятных обстоятельств; в ней собиралось и жило то устроительное начало знания, та философия христианства, которая одна может дать правильное основание наукам». (*Киреевский И. В.* В ответ А. С. Хомякову // Киреевский И. В. Критика и эстетика. М., 1979. С. 152).

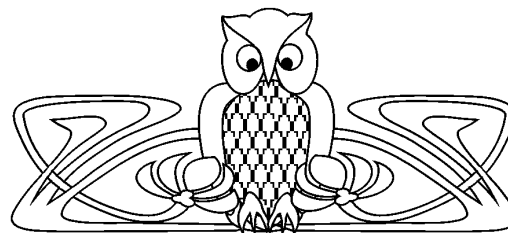
УДК 94(47). 082/083 + 929 Победоносцев

«БЕЗОЧАРОВАННЫЙ СКЕПТИК» (власть и общество в политической концепции К.П. Победоносцева)

Ю.Г. Степанов

Саратовский государственный аграрный университет
E-mail: Stepanovug@list.ru

В статье рассматривается политическая концепция русского консерватора и государственного деятеля. Победоносцев создал политическую концепцию необходимости монархии в России, доказывал историческую необходимость сильной власти, поскольку в русском обществе нет традиций самостоятельности народа. Его оригинальное учение о взаимодействии власти и общества интересно как пример консервативной мысли.

Ключевые слова: монархия, общество, власть, Россия, Англия, инициатива, Запад.

The Sceptic without Illusions (Society and Power in Pobedonoscev's Political Concept)

Yu.G. Stepanov

Research is devoted the Russian conservative and the statesman. Pobedonoscev created the political concept of necessity of a monarchy

in Russia. Its original doctrine about power and society interaction interestingly as an example of conservative thought. Proved historical necessity of the strong power for Russia as in Russian society there are no traditions of independence of the people. His conclusions are paradoxical and represent the big interest.

Key words: Monarchy, society, the power, Russia, England, the initiative, the West.

Выражение «хорошо устроенное общество» применительно к взглядам К.П. Победоносцева впервые использовал американский историк Р. Бирнс. Он же одним из первых попытался проанализировать его взгляды на соотношение власти и общества в России. Значимость этой темы велика, поскольку именно обер-прокурор четверть века был символом правительственной политики и в церковном, и в государственном отношении.

Лейтмотивом большинства исследований о виднейшем идеологе самодержавия можно считать фразу лидера кадетов П.Н. Милюкова, заявившего, что Победоносцев – «один из тех, кто несет главную ответственность за крушение династии»¹. Такой подход до определенного времени был вполне естественным, поскольку, как писал Б.Б. Глинский, «безразлично к нему (Победоносцеву. – Ю. С.) никто не относился...»² Разумеется, для самого Константина Петровича такое отношение к нему не было секретом. «Мое имя служит предметом пререкания и соблазна у всех так называемых общественных деятелей», – писал он С.А. Рачинскому³. А в письме П.А. Тверскому уточнял: «С давнего времени люди и европейские, да и русские, не знающие, чем и как движутся наши административные пружины, воображают, что все, что ни происходит в России от правительства, движется волей или прихотью какого-нибудь одного лица, кто в ту или другую минуту считается влиятельною силой, так сказать “первым по фараону лицом”»⁴.

Победоносцев, будучи одним из самых образованных людей своего времени⁵, оставался убежденным защитником неограниченной монархии, что и предопределяло к нему отношение со стороны образованного общества. А.Ф. Кони не мог понять, почему такой образованный человек не на стороне прогресса. Чтобы ответить на этот вопрос необходимо понять логику эволюции взглядов К.П. Победоносцева.

Общее чувство нестабильности, незавершенности и переходности эпохи конца XIX в., предчувствие перемен и страх перед ними были устойчивыми признаками в размышлениях о судьбе России наиболее проницательных русских консерваторов. «Нерв эпохи» остро чувствовали многие из современников обер-прокурора. Академик А.В. Никитенко в своем дневнике размышлял: «Россия странное государство: это страна всевозможных экспериментов – общественных, политических и даже нравственных, а между тем ничто не укореняется в ней надолго. Залог ли это

будущей самобытности, которая не успела еще отыскать своей опоры, или доказательство неспособности установиться на чем-либо твердом и судьба ее вечно колебаться и бессознательно переходить от одной формы к другой? Избави Бог!»⁶. Знаменитый А. С. Суворин, со слов А. В. Богданович, признавал «конец XIX столетия... временем неожиданностей, тяжелой, но интересной эпохой. Он уверен, что в эти 10 лет будет переворот... Сказал, что теперешние люди за 2–3 года совсем изменились, что у них есть много инициативы, что они совсем иначе работают, что эти люди с убеждениями, а если правительство их не подержит, они будут хуже анархистов»⁷.

Разрушение традиционных ценностей России – одна из наиболее мучительных для Константина Петровича тем. На протяжении XIX столетия русское общество под сильнейшим воздействием западных идей теряло свою первоначальную простоту и цельность: «В прежнем порядке не было тех резких разграничений между сословиями, которые явились теперь в одежде, в образе жизни, в нравах и привычках, во всех внешних формах и принадлежностях жизни, посредством которых человек входит, прежде всего, в общение с себе подобными», – писал он в одной из своих статей⁸.

Характерно, что обер-прокурор связывал усложнение общественной жизни с властными отношениями. Он был убежден, что власть – производная народного самосознания, плод многовекового развития общества, а «вековой опыт истории всех новых народов показывает, что прочны и действительны только те учреждения, которых корни глубоко утвердились в прошедшем и возникли из свойств народных»⁹.

Моментом истины стало для него взаимодействие на российской почве отечественных традиций с «новыми философскими и экономическими началами, выработанными в Западной Европе жизнью, мыслью и наукой»¹⁰. В ранних работах он высказывал осторожную надежду, что если «первым плодом новых начал было сознание и упразднение этих противоречий», то «конечным результатом должно быть примирение»¹¹. Но для Победоносцева было исключительно важно, чтобы новации не шли вразрез с традициями. Все новшества еще должны пройти своеобразную верификацию, новые идеи не должны противоречить сложившимся в обществе отношениям. Только в этом случае возможно гармоничное восприятие «чужого», которое еще должно стать «своим».

Своеобразный «историзм», проверка прошлым настоящего, чтобы узнать свое ближайшее и отдаленное будущее, становятся для главы Русской церкви методом во всех умозаключениях. В речи, посвященной памяти Александра III, он так обосновал свое понимание связи исторического прошлого с психическим складом народа: «Человек делает историю: но столь же верно и еще более значительно, что человек образует себя не иначе как со всей своей историей»¹².

Строгий традиционалист, он подчеркивал преемственность не только социальных и политических институтов (они могут изменяться в соответствии с потребностями государства и общества), но и, прежде всего, то, что народ – не просто этнографический материал истории, а духовная общность, основанная на единстве самосознания, пронесенного сквозь столетия. «Человек есть сын земли своей, отпрыск своего народа: кость от костей, плоть от плоти своих предков, сынов того же народа, и его психическая природа есть их природа, с ее отличительными признаками и недостатками, с ее бессознательными стремлениями, ищущими сознательного исхода»¹³.

Победоносцев был убежден, что «и для отдельного человека, и для народа, и для общества всю цену *истории* составляет самосознание». Далее следует важнейший для него постулат: «И отдельный человек, и народ, представляемый властью, познает себя в своей истории»¹⁴. *Деятельное, творческое начало в истории народ осуществляет через власть*, утверждал идеолог абсолютизма. Еще Б.Б. Глинский в начале столетия отмечал: «Он действовал с полным убеждением, что русская государственность, как она сложилась после петровской реформы никоим образом не подлежит какой-либо радикальной ломке, а лишь нуждается в прогрессивной постепенной эволюции в смысле улучшения законодательства, нравственного и культурного усовершенствования исполнителей закона и тех, для кого они пишутся, в исправлении нравов и усилении церковного элемента жизни»¹⁵.

Характерно, что Победоносцев связывает усложнение общественной жизни с властными отношениями. Он был убежден, что власть – производная народного самосознания, плод многовекового развития общества, а народ – не материя, подлежащая просвещению, посредством *науки* в усовершенствованном методе обучения. В.В. Ведерников справедливо подчеркнул, что «подобно Руссо, Победоносцев решающую роль отводил человеческой природе, нравам, испорченным цивилизацией, которую он неустанно обличал»¹⁶.

В речи, посвященной памяти Александра III, обер-прокурор вспоминал, что «еще в детстве любимым его (Александра Александровича. – Ю. С.) чтением были исторические романы Загоскина и Лажечникова»¹⁷. Константин Петрович сам с детства увлекался романами Лажечникова и Загоскина и воспитывал в наследнике любовь к русской исторической литературе. Но важно то, как настойчиво обер-прокурор апеллирует к русскому прошлому, как он пытается придать глубину своим рассуждениям за счет постоянных исторических экскурсов и аналогий, как важно для него, чтобы Александр III понимал и ценил историческое прошлое России. Большинство его аналогий сводятся к тому, чтобы доказать: самодержавие – *исторически сложившаяся, обществом признанная и единственно возможная форма власти в России*.

В доказательство этого положения Победоносцев сравнивает двух монархов – Александра I и Александра III, в пользу последнего из них: «Первый Александр тоже любил Россию и народ свой, но его воспитание не дало ему возможности узнать ни историю страны, ни народ свой. Он родился в такое время, когда простой народ слыл под общим названием *подлых людей*, а сверху мало кто различал в нем облик достоинства <...>. Русская история, русская действительность были ему закрыты и представлялись чистым полем, на котором можно строить все, что угодно»¹⁸.

Победоносцев доказывал, что русская историческая власть поддалась, начиная с Александра I, «надвинувшейся с Запада туче космополитизма и либерального доктринерства», что и стало одной из главных причин постигших Россию бедствий¹⁹. Только в конце XIX в. власть вернулась к истокам, ибо Александр III «верует... в непоколебимое значение власти самодержавной в России и не допускает... гибельного смешения языков и мнений»²⁰.

Формулировку «самодержавие, православие, народность» Победоносцев уточняет, дополняет, придает ей убедительность и даже некоторый интеллектуальный блеск. Он прекрасно понимал, что триада Уварова в конце XIX столетия не является аксиомой для большинства образованной русской публики. Вялость и слабость официальной идеологии предопределяла попытки обосновать старые идеи на новом историческом витке развития. Согласно представлениям Победоносцева в «правильно устроенном обществе» должно быть и «правильное воспитание монарха». Уникальность опыта Победоносцева как идеолога самодержавия еще и в том, что ему представилась возможность внушать свои идеи сразу трем наследникам престола.

Последнему из русских царей – Николаю II – Победоносцев прочитал целый курс лекций по истории государства, церкви и общества в России. Этот «исторический ликбез», предназначенный для будущего государя, чрезвычайно интересен как сжатый очерк основных идей наставника цесаревича. Особенности развития России и ее политического устройства во многом объясняются, в представлении Победоносцева, ее геополитическим положением. «Окруженная врагами, раздробленная, оттесненная в глубь равнин и степей, Россия достигла своей независимости и своего могущества благодаря единению власти, сосредоточенной в личности царя. Государства гибнут из-за распрей партий и власти», – так была сформулирована обер-прокурором основная идея²¹. Его выводы не допускают никаких иных толкований: природа и враги поставили Россию в такое положение, что спастись она могла только единодержавием.

Курс, прочитанный Победоносцевым Николаю Александровичу, – не историческое исследование, не лекции по истории России в собственном смысле слова, это, безусловно, и прежде всего

политическое наставление. Особенно характерна последняя фраза из приведенного отрывка – предупреждение о гибельности партийной борьбы. В том, что касается особенностей развития России, Победоносцев в чем-то, хотя и односторонне, прав. Современник и противник обер-прокурора В. О. Ключевский связывал многие особенности российской государственности с ее «этнографическим составом» и географическим положением²².

Современный историк В. А. Китаев также считает, что «географические условия России, особенности русского национального характера более всего соответствовали абсолютистскому режиму»²³. Для Победоносцева вся русская история – иллюстрация для утверждения о необходимости самодержавия. Он почти дословно повторяет выводы великого Н. М. Карамзина: «Как только власть ослабевала, начинались внутренние распри, грозившие гибелью государству, занятому борьбой за свое существование с ордами кочевников, с Польшей, Германией, Швецией, домогавшихся уничтожить нашу национальную независимость. Но сила возрождалась с упрочением власти»²⁴.

Исторический экскурс в прошлое – переходный мостик к описанию опасностей, подстерегающих Россию в настоящее время. «Как только наше правительство сделалось бы правительством партий, каким оно является во всей Западной Европе (даже в славянских государствах, к их несчастью) оно стало бы основой и началом угнетения, раздора и гибели, элементом, разлагающим все принципы, на которых держатся все нравственные убеждения нашего народа»²⁵.

Историческая обособленность России подчеркивается Победоносцевым очень четко. В течение столетий, в его представлении, Россия подвергалась угрозам со стороны в основном Запада. Но если ранее под угрозой оказывалась национальная независимость, то в XIX столетии главная опасность для власти исходит от «подрывной доктрины» порожденной французской революцией²⁶. Фактически обер-прокурор высказал ту же идею об особенностях культурно-исторического типа России, что и Н. Я. Данилевский, хотя и по-своему. Последний не столь явно акцентирует внимание на спасительной роли самодержавия, как Победоносцев, по которому, «согласно пониманию народа», связь, соединяющая «его с государем, должна быть единой и неделимой и власть государя должна быть неограниченной. Вся наша история провозглашает этот принцип и подтверждает его»²⁷. С. Л. Фирсов верно отметил, что для Победоносцева «самовластие – не синоним самодержавия, а, наоборот, отрицание его. Самодержавие же воспринимается как освященная Богом *традиционная* и отвечающая национальному складу характера русского человека *власть*»²⁸. Народ как бы делегировал власти право государственного строительства, оставив себе инстинктивную, не рассуждающую веру в монарха.

Поэтому, «несмотря на злоупотребления власти и даже по причине этих злоупотреблений, эта вера народа в своих государей не потерпела никакого ущерба». Она то и позволила, считал Победоносцев, «Петру великому и его преемникам укрепить государство победами и реформами, это она в наше время позволила императору Александру II совершить мирно великое преобразование – отмену крепостного права»²⁹.

Признание монарха единственным источником власти для К. П. Победоносцева не просто «фигура мысли», у него нет любования византийскими началами российского самодержавия, как у К. Н. Леонтьева. Для обер-прокурора царь – «движитель российской истории», неколебимая опора порядка и самодержавной законности в стране. Пореформенные десятилетия понимались им гораздо шире, чем просто политический кризис. После Крымской войны был налицо кризис власти, вызванный ее же промахами и ошибками. Но в конце столетия под сомнение была поставлена сама идея самодержавия, что убежденный монархист Победоносцев рассматривал как «начало конца» России. Он считал, что нельзя смешивать «теоретическую возможность» преобразования России с реальным положением вещей, что в отечественных традициях не выработано иных положений вне православия и абсолютизма, которые могли быть положены в основу духовно-государственного организма страны.

Идеи «свобод западной цивилизации» Победоносцев рассматривал как модные, но пустые по содержанию понятия, не имеющие основания в народном сознании, в духовном складе народа и, следовательно, чуждые русскому народу. Притягательность этих идей – залог их стремительного распространения в обществе, но возможность «цивилизованного», прозападного переустройства России равна нулю, поскольку именно цивилизационные, духовно-исторические основания России и Запада противоположны.

В «Московском сборнике» Константин Петрович выдвинул тезис о том, что все значительные преобразования в истории достигаются волей «просветленной идеей» меньшинства, что идея народовластия и политического равенства – «заблуждение цивилизации», поддерживаемое «демократами» ради достижения собственных целей. И в этом случае он как всегда использует исторические аналогии. «В прежнее время все думали, что правитель должен быть превосходнее тех, кем управляет, и опыт истории подтверждает, что все успехи цивилизации достигнуты желанием способнейших людей *вопреки* противодействию среды, в которой им приходилось действовать. Но в новой демократии, вопреки этой бесспорной истине укореняется такое мнение, что и обширное государство может быть успешно управляемо всякими людьми и низшего достоинства»³⁰. Под «обширным государством» обер-прокурор, без сомнения, имеет в виду «разноплеменную» Рос-

сию с ее уникальным историческим прошлым. В качестве противоположного исторического опыта выделяется Англия³¹.

Если в большинстве случаев Победоносцев доказывает неприемлемость многих европейских институтов, опираясь на исторический опыт самой России, то в «Московском сборнике» ту же идею он обосновывает от противного, выделяя англосаксов, как уникальный и неповторимый феномен истории: «Англосаксонское племя, с тех пор как заявило себя в истории, и донныне отличается крепким развитием самостоятельной личности», чему «и в сфере политической, и в сфере экономической англосаксонское племя обязано и устойчивостью древних своих учреждений, и крепкой организацией семейного быта и местного самоуправления, и... несравненными успехами». Существенное отличие этого быта «состоит в отношении каждого гражданина к государству <...>. Местное управление держится личным, сознательным по долгу, участием местных обывателей в общественном деле. Учреждения административные обходятся без полчища чиновников, состоящих на содержании у государства и чающих от него обеспечения и возвышения. Вот на каком корне сами собою исторически выросли представительные учреждения свободной Англии, и вот почему ее парламент состоит из действительных представителей местных интересов, тесно связанных с землей; вот почему и голос их может считаться в достаточной мере голосом земли и органом национальных интересов»³².

Индивидуализм англосаксов Победоносцев противопоставлял «прочим народам Европы», которые «образовались и выросли совсем на ином основании, на основании общинного быта»³³. Общинный быт большинства народов Европы, в том числе и русского, воспитывал в личности особую зависимость от «общественного союза». С возникновением государственности личность в силу традиции по-прежнему ищет защиты в корпоративности, растворяя самостоятельность в коллективе. «Отсюда, – констатировал Победоносцев, – в таком состоянии общества оскудение людей самостоятельных и независимых, людей которые сами держатся на ногах своих, и знают, куда идут, составляя в государстве силу, служащую ему опорой, и напротив того, крайнее умножение людей, которые ищут себе опоры в государстве, питаются его соками, и не столько дают ему силы, сколько от него требуют»³⁴. Именно такое положение вещей вызывает усиление роли государства, расширение его функций, появление массы чиновников. Опасность такого рода обществ состоит в том, что его граждане, возлагая всю вину за свое положение на государство, в нем ищут себе защиты. «В таком состоянии общество мало-помалу подготавливает у себя благоприятную почву для развития социализма, и привычка возлагать на государство заботу о благосостоянии всех и каждого обращается, наконец, в безумную теорию социализма госу-

дарственного»³⁵. Логическим следствием этого Победоносцев считает полную невозможность развития истинно представительных начал у большинства народов континентальной Европы.

Попытка заимствовать чуждые народу установления объясняется утопичной попыткой интеллигенции найти в смене формы правления «прогрессивный путь развития». В «Московском сборнике» обер-прокурор очень подробно и педантично обосновывал, в чем суть этой «ошибки». «Испытывая в течение веков гнет самовластия в единоличном и олигархическом правлении и не замечая, что пороки единовластия суть пороки самого общества, которое живет под ним, люди разума и науки возложили все бедствия на своих властителей и на форму правления и представили себе, что с переменою этой формы на форму народовластия или представительного правления общество избавится от своих бедствий и от терпимого насилия», но в итоге, «люди, оставаясь при слабостях и пороках собственной природы, перенесли на новую форму все прежние свои привычки и склонности. Как прежде, ими правит личная воля», которая «осуществляется уже не в лице монарха, а в лице предводителя партии, и привилегированное положение принадлежит не родовым аристократам, а господствующему в парламенте и правлении большинству»³⁶.

Таким образом, совершенно очевидно, что «православный Торквемада» не был убежденным и фанатичным противником представительного образа правления вообще. Но он считал, что парламент возможен только в очень немногих обществах, к коим русское не относится. Для него политическое устройство Англии – абсолютно уникальный исторический феномен, следствие особых качеств «англосаксонского племени» и особых условий развития этого народа. Культурно-историческое своеобразие каждого из народов кроется глубоко в его прошлом, когда психология этноса и обстоятельства развития обусловили и формы соотношения власти и общества.

Сравнивая между собой единоличное правление с демократическим автор «Московского сборника» приходит к выводу: «Повсюду, кто оказывается сильнее, тот и становится господином правления: в одном случае – счастливый и решительный генерал, в другом – монарх или администратор с умением, ловкостью, с ясным планом действия, с непреклонной волей. При демократическом образе правления правителями становятся ловкие подбиратели голосов, со своими сторонниками, механики, искусно орудующие закулисными пружинами, которые приводят в движение кукол на арене демократических выборов»³⁷. На практике, считал Победоносцев, выборная система – иллюзия народовластия, поскольку избранные «никоим образом не стесняются взглядами и мнениями избирателей, но руководятся собственным произвольным усмотрением или расчетом, соображаемым с тактикой

противной партии»³⁸. В действиях политических партий Победоносцев усматривал только голый политический расчет, страсть к удовлетворению собственных амбиций, утолению собственного политического честолюбия.

Диалектика рассуждений Победоносцева сводится к утверждению основополагающей для него идеи: гражданское равноправие – фикция, прикрывающая интересы новой политической элиты. «Горький исторический опыт показывает, – отмечал он, – что демократы как скоро получают власть в свои руки, превращаются в тех же бюрократов, на коих столь сильно негодовали, становятся тоже властными распорядителями народной жизни, отрешенными от жизни народной, не только не лучше, но иногда еще и хуже прежних чиновников»³⁹.

Победоносцев до мельчайших нюансов разбирает недостатки западной демократии. Виртуоз в области критики, он на широчайшем историческом материале, используя самые неожиданные, порой парадоксальные сравнения, пытается развенчать «либеральные иллюзии». В то же время его собственные представления о государственно-политическом устройстве российской империи – абстрактный, очень схематичный идеал. Все идеи обер-прокурора строятся на безусловном признании традиций прошлого, как единственной формы существования в настоящем. При этом он почти не предлагает сам никаких вариантов развития ни в ближайшем, ни в отдаленном будущем. Рассуждая о правящей элите как «просветленном идеей меньшинстве», создающем и утверждающем государственную идею, он в практической своей деятельности вынужден был признавать отсутствие подобных «государственных мужей» в российской правящей элите. И дело здесь не только в его характере скептика, как это следует из объяснений В. П. Мещерского или Е. М. Феоктистова. Как политический деятель, Победоносцев постоянно наталкивался на противоречие собственных идеальных представлений тому историческому потоку, которому он пытался противостоять. Как ни парадоксально, но, подвергая европейский исторический опыт сокрушительной критике, он невольно утверждал включенность России в общеевропейский процесс развития.

Победоносцев был уверен: положение каждого человека в обществе, так же как и каждого сословия, класса, социального слоя, определяется в строгом соответствии с традиционными устоями, «наследственным геном» своего сословия. Он считал, что только самым сильным и талантливым стоит пытаться изменить свою судьбу. В остальных случаях человеку не стоит «расширять свою судьбу» и стремиться изменить свой социальный статус. Устойчивость государства, по его мнению, почти полностью зависит от строгой корпоративности общества, обеспечивающей и политическую, и социальную его стабильность. Одна из «болезней времени» состоит в том, что люди вырастают в чрезмерных ожиданиях, происходящих от чрезмерного самолюбия, чрезмерных,

искусственно образовавшихся потребностей, считал обер-прокурор.

Политическая философия Победоносцева, как идеолога самодержавия содержала в себе несколько важнейших положений. Согласно его представлениям, все элементы общественно-государственного организма России есть плод тщательного исторического отбора. Русский народ в ходе многостолетней эволюции не случайно пришел к той системе организации общества, которая имеется. В огромной, исключительно сложной по составу населения, разнообразию экономических укладов и конфессий империи народ почти бессознательно, почти на генном уровне, выбрал тот порядок, который должна сознательно поддерживать власть.

Русское средневековье Победоносцев рассматривал как печальный пример того кровавого хаоса, когда верх берут корыстные интересы, политические и личные амбиции, когда сословный эгоизм разрушает разумные государственные основания. Кровь и смута в русской истории неоднократно приводили Россию на край гибели, и каждый раз только восстановление неограниченной монархии спасало страну. Тот внутренний порядок, который установился со времен Петра I (с учетом проведенных после его смерти *оправданных реформ*), основывался на трагическом опыте России и был итогом ее духовно-исторического развития. Поэтому столь велико значение власти в России, поэтому могут быть поняты и прощены ошибки и даже преступления власти, вынужденной действовать сообразно условиям и далеко не всегда руководствоваться абстрактными гуманными принципами. «Как бы ни была громадна власть государственная, она утверждается ни на чем ином, как на единстве самосознания народа и правительства», – писал в «Московском сборнике» Победоносцев⁴⁰.

Обер-прокурор прекрасно осознавал, что во второй половине XIX в. цельность российского общества была разрушена новыми социально-экономическими процессами, новыми идеями. Были поставлены под сомнение многие традиционные институты, в том числе самодержавие. Хроническое недовольство своим положением и стремление изменить его становилось во многом определяющей жизненной мотивацией. «Ни для кого нет готовой рамки – всякий деятель сам создает и идею, и размеры, и арену для своей деятельности. Каким надо быть цельным и здоровым, чтоб разрешить для себя такую задачу», – так определял положение в обществе Победоносцев⁴¹.

В пореформенный период кризис затронул практически все стороны жизнедеятельности государства и общества. Практика российской жизни, многочисленные ошибки и злоупотребления власти, общее ухудшение положения масс вызывали и революционное движение, и многообразие вариантов решения проблем: от призыва к диктатуре самодержавной до призыва к диктатуре революционной. Растерянность официальной

идеологии и ее adeptов перед лицом всего разнообразия идей и отсутствие в русском обществе традиций терпимости к такому идейному противостоянию усиливали напряженность в обществе.

Примечания

- ¹ Милуков П.Н. Воспоминания: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 231.
- ² Глинский Б.Б. Материалы к биографии // Исторический вестник. 1907. № 4. С. 268.
- ³ Цит по: Пешков А. И. «Мал – кто разорвет во царствии Христовом» // Победоносцев К.П. Сочинения. СПб., 1996. С. 4.
- ⁴ См.: Тверской П.А. Из деловой переписки с К.П. Победоносцевым. 1900–1904 // Вестник Европы. 1907. Кн. 12. С. 654.
- ⁵ Факт этот неоднократно отмечался современниками обер-прокурора, в том числе и нерасположенными к нему лично. Так, например француз Е.М. Вогюэ отмечал исключительную начитанность Победоносцева. См.: *Vogue E.M. Les route.* P., 1910. P. 136.
- ⁶ Никитенко А.В. Дневник: В 3 т. М., 1955–1956. Т. 2 – 3. С. 109.
- ⁷ Богданович А.В. Три последних самодержца. М., 1991. С. 138.
- ⁸ Цит. по: Эвенчик С.Л. К.П. Победоносцев и дворянско-крепостническая линия самодержавия в пореформенный период // Учен. записки МГПИ им. В.И. Ленина. 1969. № 309. С. 95.
- ⁹ Победоносцев К.П. Указ. соч. С. 182.
- ¹⁰ Цит. по: Эвенчик С. Л. Указ. соч. С. 95.
- ¹¹ Победоносцев К.П. Указ. соч. С. 42.
- ¹² Там же. С. 164.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. 166.
- ¹⁵ Глинский Б.Б. Указ. соч. С. 272.
- ¹⁶ Ведерников В.В. «Московский сборник» К.П. Победоносцева и кризис идеологии пореформенного самодержавия // Вестн. ВолГУ. 1996. Сер. 4. История. Философия. С. 43.
- ¹⁷ Победоносцев хорошо знал И. И. Лажечникова, переписывался с писателем. В марте 1869 г. Лажечников

благодарил Победоносцева за «доставленный Рескрипт Государя Наследника Цесаревича». (РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 89. Л. 1).

- ¹⁸ Победоносцев К.П. Указ. соч. С. 166.
- ¹⁹ Там же. С. 167.
- ²⁰ Там же. С. 168.
- ²¹ Начало царствования Николая II и роль Победоносцева в определении политического курса самодержавия / Сост. Ю. Б. Соловьев // Археографический сборник за 1972 г. М., 1974. С. 316.
- ²² См.: Ключевский В. О. Литературные портреты. М., 1990. С. 442.
- ²³ Китаев В. А. От фронды к охранительству. (Из истории русской либеральной мысли). М., 1972. С. 131.
- ²⁴ Начало царствования Николая II и роль Победоносцева... С. 317.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же. С. 318.
- ²⁷ Там же. С. 316.
- ²⁸ Фирсов С. Л. Человек во времени: штрихи к портрету Константина Петровича Победоносцева // Победоносцев: Pro et Contra. СПб., 1996. С. 21.
- ²⁹ Начало царствования Николая II и роль Победоносцева... С. 317.
- ³⁰ Победоносцев К. П. Указ. соч. С. 282.
- ³¹ Победоносцев блестяще знал английскую литературу, которую читал в оригинале. По воспоминаниям Вогюэ, обер-прокурор особенно любил английских поэтов Шелли, Суинберна, Бродинга. См.: *Vogue E. M. Op. cit.* P. 136.
- ³² Победоносцев К. П. Указ. соч. С. 294.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же. С. 295.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же. С. 286.
- ³⁷ Там же. С. 279.
- ³⁸ Там же. С. 285.
- ³⁹ Там же. С. 183.
- ⁴⁰ Там же. С. 264.
- ⁴¹ К. П. Победоносцев в письмах к друзьям / Сост. О.Е. Майорова // Новый мир. 1989. № 3. С. 281.

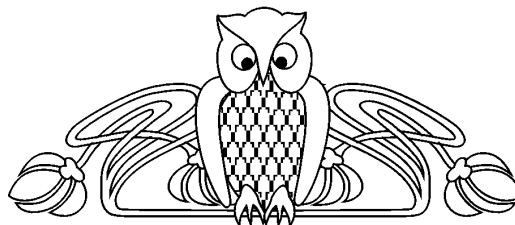
УДК 94(47). 082/083 + 929 Урусов

ССЫЛЬНЫЙ АДВОКАТ А.И. УРУСОВ

А.В. Степанова

Саратовский государственный технический университет
E-mail: angelaalmas@mail.ru

В статье рассматриваются малоизвестные факты из жизни знаменитого русского адвоката А.И. Урусова, который прославился на процессе по делу о тайной террористической организации, подвергся гонениям власти и долгое время не мог вернуться к профессиональной деятельности. Исследование основано на большом количестве архивных данных.

Ключевые слова: адвокат, самодержавие, право, революционеры, суд, наказание, профессиональная деятельность.

The Lawyer in the Reference A.I. Urusov

A.V. Stepanova

Scientific research about well-known Russian lawyer A.I. Urusov. Urusov has become famous as the lawyer protecting participants of